

За последние несколько лет Рон оказался в сложной роли: миротворца, мотиватора, единственного, у кого достаточно времени, чтобы справиться со всеми этими проблемами. Его отец был главой отдела по связям с маглами — очень трудоемкая должность, учитывая то, свидетелями чего стали магглы во время войны. У старших братьев Рона, Билла и Перси, были маленькие дети и постоянная работа, а Чарли находился слишком далеко, чтобы от него была какая-то реальная польза. Рон — раньше наименее эмоционально сознательный 15-летний мальчик, которого когда-либо встречала Гермиона — теперь превратился в обрывочный волшебный скотч, скрепляющий всю большую семью Уизли, и эти усилия истощили весь его энтузиазм ко всему остальному.

Гермиона же с головой погрузилась в работу в Министерстве. С ее послевоенным статусом она могла выбирать любой отдел, но она могла себе представить, что будет заниматься в своей жизни только одним: Департаментом по регулированию и контролю магических существ.

Во время войны Фенрир Сивый укусил и породил целое поколение оборотней, детей, которых нужно было защищать и обучать, чтобы они не пошли по стопам своего отца. Сейчас в Хогвартсе было шесть оборотней — и все, конечно же, получали волчье противоядие; Гермиона практически в одиночку добилась закона, разрешающего им присутствовать, хотя ее близкая дружба с министром, безусловно, помогла. Шеклболт был очень полезным человеком, оказавшись на вашей стороне. Ей очень нравилась ее работа, и она была рада возможности изменить жизнь этих детей к лучшему — ей просто хотелось, чтобы она им не была нужна.

Романтические отношения Рона и Гермионы пострадали из-за того, что они по-разному справлялись с ситуацией. Времена были тяжелые, но в конечном итоге она не возражала — она знала, что как только они справятся с этим, Рон станет самим собой, и они смогут продолжить с того места, на котором остановились. Она была полна решимости остаться с ним; она была счастлива быть его другом, пока он снова не был готов к большему. Ну, во всяком случае, так она и думала вначале. Но прошли годы, и, казалось, ничего не улучшилось, и она начала задаваться вопросом, сможет ли она когда-нибудь вернуть его.

Она почти потеряла надежду вернуть парня Рона, но когда версия друга тоже начала ускользать, она удвоила время, затрачиваемое на исследования. То, что казалось безумной идеей, когда она пришла ей в голову три года назад, теперь стало реальностью. Она ни с кем этим не делилась. Все ее друзья были настолько озабочены своими собственными дилеммами, что она не думала, что они станут слушать. Она собиралась искоренить причину всех бед в корне — и была почти готова.

14 мая 2001 г.

Прошло четыре месяца с тех пор, как в тот снежный день Рон вернулся домой радостным, четыре месяца непрерывных исследований, составления списков и тайных сборов вещей. Гермиона чувствовала себя виноватой за то, что каждый раз прятала свою работу от депрессивно-ненаблюдательного взгляда Рона, но сегодня утром она была невероятно взволнована. Наконец она была готова. Она отправится сегодня.

Она не знала, следовало ли ей сказать Рону или нет — как бы трусливо она себя ни чувствовала,

ей не хотелось прощаться по-настоящему. Если бы она сказала ему правду, он бы просто забеспокоился, да и какой в этом смысл? Ну, во всяком случае, именно это она сказала себе. Она сказала ему, что ей нужно посетить лабораторию в Стамбуле для проведения частного исследования (ей нужно было придумать «исследование», которое достаточно утомило бы его до смерти, чтобы не было слишком много сложных вопросов, поэтому Рон думал, что работает над зельями, чтобы предотвратить действие проклятия Империи) и что ее не будет на неделю. К счастью, он принял это, не моргнув глазом, пожелал ей удачи и, как обычно, ушел на работу.

С полностью упакованными сумками рядом с ней в коридоре, она в сотый раз проверила свой список.

«Хорошо, — сказала она вслух, — хватит откладывать дела на потом».

Ее сундук из Хогвартса преобразился и стал похож на магловский багаж — кремовая кожа с темно-синей окантовкой и большими золотыми пряжками, модными в начале восьмидесятых. Она носила очень облегчающие джинсы, которые принадлежали ее матери в университете — они были настолько выцветшими, что выглядели почти белыми, и с гораздо более высокой талией, чем она привыкла — и компенсировала эту тесноту слишком большой персиковой рубашкой и поясом, все благодаря старому гардеробу ее матери. Глядя на свое отражение в длинном зеркале в конце коридора, она рассмеялась себе под нос: «По крайней мере, мои волосы не будут выделяться!»

С чарами дезиллюминации она и ее багаж исчезли из зеркала. Еще раз осмотрев квартиру, которую они с Роном делили с тех пор, как они закончили школу, Гермиона вышла на улицу и заперла за собой заднюю дверь щелчком палочки, а затем трансмигрировала в выбранное ею место в Лондоне — небольшой переулок, недалеко от Дырявого Котла.

Она вытащила Маховик Времени из сумочки. Это было настолько незаконно, что даже несмотря на то, кем она была — Гермионой Грейнджер, одной из Знаменитой Тройки, подругой министра магии и всеобщей благодетельницей — она все равно оказалась бы в Азкабана, если бы его нашли у нее. Потребовалось три года исследований, множество испытаний и проверок, а также различных комбинаций ингредиентов, прежде чем она нашла ключ — это был песок.

Песок был сделан из особых минералов, которые, собранные вместе в условиях давления, позволяли владельцу перемещаться во времени. Однако ее случай был еще более особенным. Ее модификации означали, что один оборот равнялся одному году вместо одного часа в любом направлении, в будущем или в прошлом. Был предел его стабильности; четверть века — это максимум, с которым он мог справиться и при этом безопасно перевозить автостопщика. Удобно, этого было достаточно.

Она проверила окрестности — пустынно. Она накинула цепочку на шею и крепко сжала свой багаж, а затем начала поворачивать в руке маленькие бронзовые песочные часы против часовой стрелки. Раз, два, три... восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Она задержала дыхание.

Ее охватили спорадические вспышки света и тьмы, очертания мусорных баков в переулке рядом с ней расплывались, сам воздух, казалось, кружился вокруг нее, в ее ушах ревели какие-то голоса. Казалось, это длилось вечность, дольше, чем когда-либо прежде, когда она использовала такое устройство. Она начала паниковать; неясные фигуры проносились мимо нее, то попадая, то расплываясь, она едва могла перевести дух –

А потом это прекратилось.

Грохот дороги в конце переулка показался ее ушам тихим после красочного звонкого рева. Она оперлась на багаж, слегка одурманенная после дезориентирующего размытия. Машины, проезжавшие через небольшой просвет в переулке, были старыми моделями, которые выглядели совершенно новыми, фасады предприятий, которые она могла видеть через оживленную дорогу, были другими... сработало – она сделала это!

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4109206>